

М.Р. САТЕНОВА

(научный сотрудник

Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК)

Основные аспекты земельной политики российской администрации в Семиреченском крае (вторая половина XIX века)

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые моменты проведения земельной политики российских властей в Семиреченском крае во второй половине XIX века. Исследуется особенности развития кочевого казахского землепользования в рассматриваемый период, наличие хлебопашества, влияние вводимых административно-территориальных мер на традиционную культуру номадов. Отражены основные этапы решения поземельного устройства в регионе, отличительные черты землепользования у семиреченских казаков, проведение крестьянской колонизации в Семиречье.

Ключевые слова: Семиречье, земля, землепользование, хлебопашество, казачество, крестьяне – переселенцы, российская администрация, колонизация.

В отличие от степных областей и южного регионов Казахской степи решение вопроса о поземельном устройстве в Семиреченском крае имело свои особенности, обусловленные в немалой степени местными условиями. В силу природно-климатических условий традиционное кочевое хозяйство казахов в данном регионе издревле сочеталось с естественно орошаемым (богарным) земледелием. О наличии земледельческого хозяйства у казахов Старшего жуза еще в первой половине XIX в. указывали многие дореволюционные авторы, побывавшие в Семиречье. В частности, в путевых записях лекаря Омского гарнизонного полка Ф.К. Зибберштейна, посетившего в 1825 г. долины рек Или и Чилик, говорится, что «места на оной избыточествуют хорошими травами и хлебопашеством, чему способствует упомянутая речка Чалек...» [1, с. 231]. Свидетельства о развитии земледелия в регионе Жетысу (*современное название Семиреченского края* – С.М.) в указанный период выявлены Н.К. Байбагатовой и в исследованиях С. Броневского и С.П. Семенова. Наряду с этим, историографический анализ осуществлённых исследований последних десятилетий показал, что с середины XIX в. в жизнедеятельности казахов начали происходить значительные социально-экономические изменения. В структуре традиционного степного хозяйства намечаются существенные перемены, вызванные как административно-политическими, так и этнокультурными факторами. Наблюдается трансформация традиционного скотоводческого хозяйства, отмеченная процессом постепенного оседания

казахов – кочевников, развитием сенокосения и земледелия. Более широкое распространение получают стационарные поселения на зимовках (кыстау), с наличием загонов для скота и сенокосными угодьями. Интенсивнее эти процессы происходят в Северном, Восточном и Южном Казахстане, в том числе Семиреченском регионе. И существенную роль в этом, сыграла определенная административно-территориальная политика Российской империи, направленная на ограничение свободного перемещения номадов и упорядочение вопросов землепользования в Казахской степи в соответствии с запросами колониальных властей.

В данном исследовании автором предпринимается попытка проанализировать основные аспекты землеустройства в Семиреченском крае во второй половине XIX в. Исследуется воздействие административно-территориальных и правовых актов имперских властей на решение поземельного вопроса, влияние колониальной переселенческой политики на социально-экономическую ситуацию в указанном регионе.

Как отметил М.К. Койгелдиев, российская администрация при решении вопросов землепользования в Казахской степи придерживалась следующей схемы: 1) Определение особенностей использования земельного фонда местным населением в повседневной жизни, определение форм собственности на землю и на основе этого анализа, выявление основных принципов политики России по земельному вопросу; 2) Система землепользования до колонизации региона и решение земельного вопроса после введения новой системы управления краем (аул, волость, уезд и область); 3) Проведение планомерной политики переселения крестьян из внутренних губерний Российской империи на данную территорию и создание «переселенческого фонда»; 4) По мере возможности создание условий перехода казахского населения к оседлому ведению хозяйства [2, с. 134].

Общеизвестно, что одним из ключевых законодательных решений российской администрации на пути к претворению земельной политики на территории Казахстана стало объявление всех казахских земель государственными, переданными в бессрочное пользование кочевникам. А поскольку мероприятия по экономическому закреплению в Семиреченском крае, осуществлялись одновременно с его присоединением, первоначально административно-территориальные меры Российской империи в указанном регионе проводились в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах». Характеризуя же поземельное устройство кочевников Семиреченской области в рассматриваемый период Н.А. Аристов писал, что российские власти до введения административных реформ 1867-1868 гг. вмешивались в существовавшее ранее традиционное «поземельное владение киргиз только в двух случаях: во-первых, для разрешения возникавших между киргизами поземельных споров и для равномерного распределения земель между волостями и, во-вторых, для изъятия из владения и пользования киргизских земель, необходимых для учреждения казачьих, крестьянских и городских поселений» [3, с. 347]. Но, даже те «незначительные» мероприятия,

проводимые российскими властями в середине XIX в. в Семиреченском регионе привели к тому, что традиционные, веками установившиеся маршруты весенне-летних и осенне-зимних перекочевков казахских родов Старшего жуза были нарушены. Что привело к обострению междоусобной борьбы за лучшие районы кочевий, особенно в тех местах, где новоприбывшие родовые группы номадов сталкивались с прежними насельниками этих мест.

Одними из первых, ощутивших на себе последствия административно-территориальных разграничений российских властей в Семиречье, оказались казахские рода Старшего жуза племени жалайыр. Так, в 1848 г. вследствие обострившихся территориальных споров, возникших между найманами Среднего жуза подведомственными Аязускому окружному приказу и вступившими позднее в российское подданство жалайырами Старшего жуза, была учреждена особая комиссия под руководством пристава «при киргизах Большой орды» майора барона Врангеля и Аязуского заседателя Сухомлинова. Доказательства, изложенные найманами и жалайырами на право владения спорными землями, были представлены на благоусмотрение генерал-губернатору Западной Сибири князю В.Д. Горчакову. Жалайыры заявляли свои притязания на все земли расположенные к северу от р. Каратал вплоть до р. Лепсы. С другой стороны, найманы Среднего жуза занявшие эти земли до р. Каратал считали их собственными владениями. Чтобы прекратить разногласия между указанными «разноордынцами», генерал-губернатор предписал «установить постоянную между их землями границу, сообразно действительным правам владения той и другой стороны» [4, л. 37об.]. Основываясь на сведениях пограничного начальника полковника Клейста и пристава «киргизов Большой орды» майора барона Врангеля, генерал-губернатор Западной Сибири В.Д. Горчаков принял решение в пользу найманов, мотивируя этом тем, что казахи Среднего жуза «занимали эти кочевки с давнего времени и владели ими при открытии в 1831 году Аязуского внешнего приказа» [3, с. 320]. Было решено провести пограничную черту между кочевьями найманов и жалайыров: «от вершины речки Балыкты, по хребту Джон, чрез урочище Кум-Тюбе до сопки Ак-Тюбе лежащей при устье р. Каратал». Таким образом, в результате произведенных разграничений, земли расположенные по правую сторону р. Каратал отходили казахским родам племени жалайыр Старшего жуза. Однако, часть кочевков жалайыров, располагавшихся на левобережье означенной реки перешли во владение найманов Среднего жуза. И как повествуют осуществленные исследования, данный факт является лишь одним из эпизодов многолетних земельных споров, возникавших между найманами Среднего жуза и жалайырами и порой доходивших до вооруженных столкновений, выходивших далеко за рамки традиционной межродовой барынты [5].

Основание округов, отчуждение значительного количества казахских земель под строительство военных укреплений, казачьих станиц и

крестьянских поселений приводило к дальнейшему ограничению свободного перемещения родов Старшего жуза по Семиречью. На первых порах местная российская администрация вознаграждала казахское население, главным образом султанов и биев, за земли, отошедшие от них во владение казаков и крестьян. Так, Т.Т. Далаева указывает, что для решения таких вопросов, западно-сибирская администрация создала специальную Комиссию, которая определяла размеры и местонахождение земельных участков для поселенцев, причем «... земли, удобной под хлебопашество, сенокосение, пастбищ, огородов, выгона скота» [6, с. 199]. К подобным рода постановлениям прилагались специальные акты с указанием отчуждаемых урочищ, какие и кому уступаются. Как правило, отвод земли для переселенцев должен был производиться посредством землемеров в присутствии доверенных лиц (депутатов) от казахов. Так, при переселении весной 1860 г. в Заилийский край (*Семиречье* – С.М.) казаков 9-го Сибирского полка вместе с их семьями, начальнику Алатауского округа Колпаковскому было предписано обеспечить новоприбывших поселенцев сенокосными землями. Вследствие чего было изъято значительное число кочевий у казахов племени дулат и шапырашты в окрестностях укрепления Верный, близ Каскелена, Узун-Агача и Кастека. В качестве доверенных лиц (депутатов) от родовых групп дулат и шапырашты присутствовали: от батыра Суранши прапорщик Джентель Акымбетов и от Джайнака Караталова его брат Байсугур [7, л. 38об.]. Однако, в большинстве случаев разграничение земель осуществлялись со значительными нарушениями, без участия землемеров и вызова депутатов от казахов

Порой разграничение казахских земель осуществлялось не только в пользу пришедшего русского населения, но и в пользу тех, кто пострадал из-за отчуждения земель. Так, вследствие указанного выше отмежевания значительной части земель, занимаемых казаками племени дулат и родами шапырашты под устройство казачьих поселений, означенные группы кочевников лишились большинства своих земель по левобережью р. Или. В этой связи, старшины родов шапырашты вместе со своими аулами вынуждены были перекочевать на другой берег реки и вторгнуться на территорию рода балгалы племени жалайыр, о чем в октябре 1861 г. сообщил начальнику Алатауского округа полковнику Колпаковскому бий этого рода прапорщик Булек Тасыбаев. К тому же свои притязания на право владения землями, расположенными по правобережью р. Или, шапырашты обосновывали тем, что до перехода в середине XIX в. указанных казахских родов под управление старшего султана племени дулат Али Адилева, они кочевали на ныне занятых территориях.

Как уже сказано выше, сложность решения поземельного устройства в Семиреченском крае обуславливалась рядом немаловажных факторов. В частности, впоследствии процесса присоединения земель Младшего и Среднего жузов к Российской империи, строительства на их территориях цепи оборонительных укреплений, порой глубоко вклинивавшихся в ареал местообитания казахских родов и племен, а также введение нового

административно-территориального управления, в том числе создания округов привело к тому, что многие казахские родо-племенные объединения вынуждены были сместить свои традиционные маршруты кочевания в сторону Южного Казахстана и Семиречья. К примеру, основание в середине XIX века Копальского окружного приказа повлекло за собой изъятие под казачьи поселения значительной части земель у казахских родов племени найман Среднего жуза. В итоге целая волость (Кенджи-Каптагай-Матаевская) лишилась большей части своих родовых кочевков [3, с. 325]. Вследствие жалоб кенджи-каптагай-матаевцев, в 1854 г. и.д. семипалатинского военного губернатора полковник Спиридонов распорядился наделить их зимовками за счет смежных волостей, в данном случае за счет жалайыровских волостей Старшего жуза. В это же время увеличиваются поземельные раздоры и между родами племени аргын Среднего жуза и отдельными родами племени дулат Старшего жуза.

Не меньшую роль в обострении земельного вопроса в регионе, сыграла и внешнеполитическая ситуация сложившаяся на сопредельных с Семиречьем западно-китайских территориях. К примеру, вплоть до начала 60-х XIX в., казахские рода Старшего жуза племени албан и суан управляемые старшим султаном Тезеком Аблайхановым, имели возможность беспрепятственно кочевать на пограничных землях, как российских, так и китайских владений в Семиречье. Летние кочевки албан и суан находились на российской территории, а зимние располагались в пределах Китая. С началом процесса российско-китайского разграничения в 1860 г. и в связи с окончательным переходом означенных родов Старшего жуза в российское подданство, они утратили часть своих кочевий расположенных на китайской стороне. Вследствие чего эти рода, вынуждены были посягнуть на кочевья принадлежащие другим родоплеменным группам Старшего жуза.

Основным аспектом колонизации края являлся отвод земель под устройство казачьих и крестьянских поселений. Однако, прежде чем приступить к реализации данного плана, российской администрации необходимо было упорядочить ситуацию с казахскими родами, определив им места для постоянного проживания. В ноябре 1861 г. начальник Алатауского округа Г.А. Колпаковский обратился к генерал-губернатору Западной Сибири с представлением о командировании в Семиреченский край «четырёх топографов при офицере, на которых возложить произвести при киргизских депутатах со всех трех главных родов, Большой орды подробную съемку летних и зимних кочевьев киргиз и составить всем угодыям описание» [8, л. 3]. По окончании топографических замеров, по замыслу Г.А. Колпаковского предполагалось создать из трех старших султанов и почетнейших биев, при участии помощника начальника округа «особую комиссию, которая-бы могла раз и навсегда определить каждому роду свои зимние и летние кочевья». Представление начальника Алатауского округа было одобрено, но вместо офицера и четырех топографов в округ были командированы один топограф и офицер. При этом, на предложение Г.А. Колпаковского «определить раз и

навсегда каждому роду зимние и летние кочевки», начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса генерал-майор Кройерус ответил, что «на предстоящее разграничение земель Большой орды, можно смотреть не иначе, как на временное только распоряжение для прекращения междоусобных спор киргиз, а, отнюдь, не как на формальное отделение земель в постоянное вечное и неприкосновенное пользование киргиз и карты кочевьям каждого рода, которые составятся, не будут документами на владение» [8, л. боб.]. В связи с предстоящими административно-политическими преобразованиями, в том числе и территориальными изменениями в Казахской степи западносибирская администрация отнюдь не была заинтересована в передаче земли в собственность казахов. Впрочем, еще в 1853 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд предписывал местным властям разъяснить кочевому населению управляемых ими округов, что «все земли киргизов, состоящих в подданстве России, не составляет (их) собственности, а принадлежит правительству, которое, дозволяя киргизам на оных кочевать, охраняет их своими войсками от иноземцев» [3, с. 360].

Впоследствии, с возобновлением переговоров России с Китаем по определению границ империй, размежевание земель родов Старшего жуза не было осуществлено в полной мере, отложившись на неопределенный срок. А тем временем, междоусобные убоицы за право владения теми или иными кочевьями продолжались.

Общеизвестно, что специфический характер кочевого скотоводческого хозяйствования не предусматривал частной поземельной собственности на землю. Экономическое и политическое превосходство представителей казахской знати основывалось, прежде всего, на праве распоряжения общинной землей. А поскольку в период внедрения российской административно-правовой и территориальной системы управления путем создания в казахских степях округов, российская администрация в качестве посредников между кочевыми объединениями и имперской властью избрала местную аристократию в лице султанов – чингизидов. С этой целью местные власти наделяли отдельных представителей султанского сословия определенными правами фактического монопольного владения некоторыми зимними и летними кочевками, формально находившихся в распоряжении всего подведомственного управителю родоплеменного объединения. В частности, Е.Б. Бекмаханов ссылаясь на материалы архивного фонда ЦГА РК (Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора), пишет о факте потомственного владения семьей покойного старшего султана Тезека Аблайханова зимними и летними кочевками в урочище Алтын-Эмель. В 1885 г., когда вдовы султана Тезека обратились к семиреченскому губернатору А.Я. Фриде, с просьбой отстоять родовые кочевья семьи Аблайханова от поземельных посягательств казахов Алтын-Эмельской волости, от того последовало указание: «Об ограждении наследников полковника Тезека Аблайханова от притеснения киргизов и об оставлении в их исключительном и нераздельном пользовании как зимних, так и летних кочевков, которыми

пользовался полковник Аблайханов» [9, с. 78]. Из текста прошения вдов султана Тезека явствует, что Г.А. Колпаковский, назначенный в мае 1882 г. генерал-губернатором новообразованного Степного края, и в составе которого до конца 1889 г. находилась Семиреченская область, лично объявил перед собравшимися на станции Алтын-Эмельской «о предоставлении детям покойного полковника Тезека всех кочевок», где располагались аулы многочисленного султанского семейства [10, л. 48].

Но, тем временем, к концу XIX в., российские власти, в достаточной степени укрепив свои позиции в казахских степях, приступили к полной ликвидации особых привилегий представителей степной аристократии – султанов, окончательно уравнивая их в правах с рядовыми казаками – кочевниками. По причине уменьшения политического и экономического влияния султанского сословия, российская администрация уже не считала нужным сохранять их наследственное право землевладения. Так, в последующих документах вышеуказанного архивного дела говорится, что «... потомство Тезека, и без того своей заносчивостью, при отсутствии каких-либо заслуг, возбуждившую всеобщую нелюбовь, делается ненавистно населению, которое поставило себе целью по возможности им вредить...». А посему, администрация степного генерал-губернатора пришла к заключению, что «предоставление вдовам султана Тезека после решения чрезвычайного съезда и областной администрации всех земель, на кои они претендуют, поселит в них убеждение, что эти земли от них неотъемлемы, что может повлечь за собой немалые затруднения в будущем». И исходя из этих соображений канцелярия степного генерал-губернаторства сочла необходимым «вдовам султана Тезека в ходатайстве их о предоставлении им урочища Синерли, Караходжур, Джаман Алтын-Эмель и Урюкты отказать; о чем и уведомить их чрез г. военного губернатора Семиреченской области...» [10, л. 64-64об.].

Как уже отмечено выше, основным выражением земельной политики российских властей на местах являлось проведение казачьей и крестьянской колонизации. И началом претворения этих планов в исследуемом регионе стало землеустройство семиреченского казачества. При размещении казаков в Семиречье российские власти ориентировались на «Положение о Сибирском казачьем войске» от 5 декабря 1846 г., согласно которому размер надела на одного человека определялся в 30 дес.. Со временем, исходя из социально-экономических и геополитических особенностей данного региона, земельное обустройство семиреченских казаков приобрело свои отличия. 21 апреля 1869 г. вступило в силу Положение Военного Совета «О поземельном устройстве казачьих станиц», которое окончательно утвердило казакам во всех войсках норму земельного надела в 30 дес. и 10 дес. в войсковой запас «для обеспечения его безбедного существования» [11, с. 109]. При всем том, что еще в 1864 г. начальник Алатауского округа генерал-майор Г.А. Колпаковский обращается с представлением к командующему войсками Западной Сибири о необходимости уменьшения казачьего надела до 20 дес.

на душу, в виду благоприятных климатических условий в Семиречье, достаточно хорошей урожайности, а также по причине недостаточности земли для коренного населения края [12, с. 89]. Тем не менее, омские власти отклоняют это ходатайство. Свое несогласие с предложением Колпаковского, начальник Главного управления казачьих войск генерал-майор Золотарев мотивировал тем, что «1) в Семиреченском войске в состав окончательно отводимого надела могут входить земли разнообразных качеств и достоинств, а следовательно и доходности; 2) что в силу этого в означенном войске не представляется возможным установить повсеместно однообразные 20 дес. размеры душевого надела».

Следует отметить, что в начальный период формирования Семиреченского казачьего войска с 1846 и вплоть до выделения его в 1867 г. из состава Сибирского казачьего войска в отдельный войсковой корпус, отвод наделов для семиреченских казаков производился в беспорядочном состоянии. Нередко распределение земельных участков под создаваемые в Семиречье казачьи поселения осуществлялось без участия землемеров, с нарушением ряда правил землеустроительных работ. Повсеместно не составлялись планы отводимых участков с указанием площади, месторасположения и описания границ предполагаемых наделов. Кроме того, неопределенность в решении вопроса о размере душевого надела вплоть до конца 60-х гг. XIX в. привела к тому, что семиреченские казаки зачастую самовольно присваивали под свои пашни и сенокосные угодья, близлежащие земли казахских родов. Вследствие чего, на момент утверждения в законодательном порядке Положением 1869 г. душевого надела в 30 дес., площадь присвоенной семиреченским казачеством земли уже во много раз превышала допустимую норму.

При этом все попытки российской администрации создать местную хлебную базу за счет казачьей запашки не увенчались успехом. Большинство исследований по данному вопросу, в том числе и российских авторов, отмечают, что казачье землепользование по производительности было экономически неэффективным и малопродуктивным. К тому же благосостояние населения казачьих станиц основывалось не на производительном труде и окультуривании хозяйства, а прежде всего на высокой норме земельных наделов, поскольку значительную часть своих наделов казаки сдавали в аренду крестьянам – переселенцам и местным казахам. Подобная ситуация наблюдается и к концу XIX в. Так, в отчете Семиреченского военного губернатора за 1895 г. указано, что казаки, получив в надел большие участки плодородной земли, большей частью предпочитали отдавать ее в аренду. «Такой легкий доход обеспечивает для них безбедную и праздную жизнь, ремеслами казаки также почти не занимаются; крестьяне, наоборот, весьма трудолюбивы...» [11, с. 113].

Тем не менее, как уже сказано выше, семиреченская администрация, все же прилагала определенные усилия по стабилизации казачьей колонизации в регионе. Так, З.С. Актамбердиева пишет, что военный

губернатор Г.А. Колпаковский и его помощник Н.А. Аристов стремясь умерить аппетиты казаков, «вносили предложения о снижении в Семиречье казачьего надела с 30 десятин до 20 десятин на душу, об изъятии излишек казачьих владений, разрешении кочевникам после 15 октября пасти скот на пашнях, когда хлеб уже убран» [13, с. 73]. Г.А. Колпаковский способствовал тому, чтобы казакам Лепсинского уезда было возвращено около 100 тыс. десятин земли. Более того, туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман, из опасений протестов казахских родов, с 1875 г. разрешил казакам пасти скот на казачьих землях после сбора урожая. Вместе с тем им было санкционировано начало возврата определенного количества казачьих земель кочевникам.

В этот же период, наряду с казачьей колонизацией, семиреченские власти приступают к созданию на территории региона крестьянских поселений. Тем не менее, столь широко распространенного переселения крестьянских семей в Семиреченский край, вплоть до конца 60-х гг. XIX в. не наблюдалось. Большею частью практиковалось вольное крестьянское переселение, но, как правило, с условием зачисления крестьян в казачье сословие. Повсеместный характер крестьянская колонизация приобретает после образования Туркестанского генерал-губернаторства, в состав которого вошла сформированная на основе Алатауского внешнего округа Семиреченская область. В 1867 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман поручил генерал-майору Г.А. Колпаковскому изыскать места «под новые казачьи и крестьянские поселения». Вследствие чего, последний, к этому времени назначенный военным губернатором Семиреченской области, и как более заинтересованный, прежде всего, в освоении края российским крестьянством, предложил план колонизации Семиречья, соответствовавший его административной политике осуществляемой в данном регионе. Согласно проекту Г.А. Колпаковского предполагалось поселить по 50 семей крестьян в Токмаке, Пишпеке и на Иссык-Куле, а всего предусматривалось «... создание в пяти уездах области 34 крестьянских села на 1345 дворов и 47 мелких поселений при станционных пикетах на 470 дворов». [6, С. 201]. Всего планировалось переселить 1815 крестьянских семей. По сведениям П.П. Румянцева за период с конца 1869 г. и в течение 70-х гг. XIX в., в Семиреченской области было образовано 28 селений, преимущественно из выходцев Воронежской губернии. Всего по уездам, включая земли нынешнего Северного Кыргызстана: в Лепсинском – 8, Копальском – 2, Верненском – 6, Пржевальском – 6, Пишпекском – 6 [14, с. 210].

В 1869 г. Г.А. Колпаковским был представлено на утверждение Туркестанскому генерал-губернатору «Положение об устройстве в Семиреченской области сельских поселений», в соответствии с которым: «1) на каждую мужскую душу отводилось по 30 дес. удобной земли, из коих 15 поступало в запас на случай естественного прироста населения. Поселенцам, основавшимся при почтовых трактах, надел увеличивался до 15 дес.; 2)

новоселы освобождались от всех податей и повинностей на 15 лет, а те из них, которые селились на пикетах, на 25 лет; 3) ссуды допускались в размере не свыше 100 рублей на семью (в действительности они не выдавались вовсе или отпускались в значительно меньшем размере...)» [15, с. 8]. Каждой крестьянской семье надлежало поселиться в установленном ей участке региона, либо представить соответствующее «увольнительное свидетельство». Семьи, не проследовавшие к месту приписки, подлежали к принудительному выселению из области. При этом форма землевладения устанавливалась общинная, без указания на право выкупа участка в собственность.

Несмотря на то, что проект Г.А. Колпаковского не был утвержден в законодательном порядке, все же он был приведен в исполнение и действовал, с некоторыми незначительными отступлениями, до 1883 г. Впоследствии, в связи с началом переселения мусульманского населения Илийского края (дунган и уйгур Западного Китая) норма крестьянского надела была уменьшена. В материалах ревизии Туркестанского края, осуществленной в начале XX в. под руководством сенатора К.К. Палена зафиксировано, что доля крестьянского надела в Семиреченском крае была снижена: в 1876 г. до 17 дес., а в 1883 г. до 10 дес.

Сложность решения поземельного вопроса в Семиреченском крае обуславливалась и тем, что по сравнению со степными областями Северного и Центрального Казахстана, здесь была значительно более высокая плотность населения. Вдобавок, слухи о богатом крае с мягким климатом и плодородными землями привлекали сюда гораздо большее количество переселенцев, в том числе и крестьян прибывавших в Семиречье самовольно, без разрешения на то российской администрации. Переселенцев – крестьян с европейской части России и Сибири не останавливали даже такие обстоятельства, как отсутствие удобных путей сообщения и определенная отдаленность края от внутренних губерний империи.

Вдобавок к выше сказанному следует сказать, что, несмотря на наличие определенного процента хлебопашества, основной формой жизнедеятельности казахов Семиречья, все же являлось кочевое землепользование. И это позволяло местным властям беспрепятственно распоряжаться землями кочевников, не считаясь с их нуждами. Водворять же переселенцев в южные районы Туркестанского края, где уже преобладало оседлое земледельческое население, освоившее в далеком прошлом пригодную к обработке землю – и богарную, и искусственно орошаемую, не опасаясь при этом вспышек недовольства со стороны местных жителей, колониальные власти не осмеливались.

В то же время администрация края и сама была заинтересована в заселении пригодных для земледелия районов крестьянами, в целях создания необходимой опоры российской власти на недавно присоединенных территориях. Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский писал, что «увеличение русских поселений будет

содействовать обрусению края и постепенному слиянию его с коренными русскими губерниями». А являясь, прежде всего, представителем проводимой колониальной политики, направленной, выражаясь современным языком, на интеграцию края в общеимперское пространство, губернатор Г.А. Колпаковский полагал, что «постепенное соприкосновение с русскими поселениями и выгодами цивилизованной жизни, без сомнения, приведет со временем к переходу и киргизов к оседлой жизни. Заселение Семиреченской области облегчит и колонизацию Сырдарьинской, отдаленной от остальных частей России обширными пустынями и приобретающей по заселению Семиреченской области удобный через эту последнюю путь для переселенцев» [16, с. 36]. В этой связи, вместо того, чтобы возвращать самовольных переселенцев на родину, чего требовали законы, местные власти стремились обустроить крестьян, прежде всего в Семиреченской области. Они получали по 7-10 дес. земли, материальную помощь – «подъемные», т.е. деньги на строительство дома, приобретение рабочего скота, инвентаря и посадочного материала, пользовались различными льготами [17, с. 220].

Между тем массовый характер переселенческого движения незамедлительно сказался на изменении всей экологической системы казахских степей, на протяжении тысячелетий являвшейся в определенном роде уникальной средой обитания как в природно-климатическом, так в географическом отношениях для кочевой культуры евразийских nomadов. Бесконтрольная вырубка лесов переселенцами в горных массивах Семиреченского края привела к быстрому таянию ледников, обернувшихся во второй половине XIX в. увеличением весенних селевых потоков, смывавших на своем пути поселения и пашни, разрушением и без того примитивных оросительных сооружений. Помимо этого леса на юге Казахстана, согласно сведениям многих дореволюционных авторов, обладали богатым составом и состояли из ореха, абрикоса, фисташки, яблони, березы, разными видами хвойных деревьев и.д. Е.С. Сыздыкова в своей работе приводит выдержки из исследования А.Ф. Голубева, побывавшего в этот период в Семиреченском крае: «... До прибытия русских сюда, окрестные горы изобиловали дикими яблонями и абрикосным деревом... Теперь же за яблоками или урюком надо далеко забираться в горы...» [18, с. 220].

Обращаясь к отдельным аспектам крестьянского землепользования, следует отметить, что прибывшие из европейской части России переселенцы и на новом месте придерживались тех же традиций выращивания сельскохозяйственных культур, как у себя на родине. Ознакомившись с методами ведения хозяйства у пришлого населения, П.П. Румянцев писал: «И казаки, и старожилы, и переселенцы последних годов ведут экстенсивное зерновое хозяйство, по навыкам, усвоенным еще от отцов и дедов в Европейской России и перенесенным затем – через Сибирь или непосредственно – в Семиречье» [14, с. 217]. Единственным нововведением, привнесенным в хозяйство переселенцев, по словам автора, является

применение арычной системы полива пашен. Да и то позаимствованное у «туземцев». Более того, согласно наблюдениям П.П. Румянцева, в большинстве случаев русские находили готовые «оросительные системы и распаханное поля».

На основе анализа ряда дореволюционных работ, С.Н. Малтусынов приходит к выводу, что для русского земледелия, как в Семиречье, так и в других регионах Казахстана, характерным является использование залежной системы полеводства, «требующей распашки все новых и новых земель, полное отсутствие удобрений и севооборота при явном доминировании зерновых культур» свидетельствовавших о нерациональном хозяйствовании переселенцев, отсталости приемов сельского хозяйства [19, с. 36]. По мнению автора, это объяснялось простором казахских степей, а точнее в их легкой доступности этих земель для русских поселенцев, что отрицательно сказываясь на трудовой мотивации. Получив возможность развивать свое хозяйство за счет расширения земельных угодий, крестьяне предпочитали идти по пути наименьших трудовых затрат, получая при этом достаточную доходность в будущем урожае.

Впрочем, как отметил П.П. Румянцев, такими же методами в земледелии руководствовалось и коренное население Семиречья. Разница заключалась лишь в менее разнообразном составе производства сельскохозяйственных культур. Единственным заимствованием от русских, как утверждает автор, стало применение усовершенствованных орудий для обработки земли и сбора урожая. Подводя итоги статистического обследования Семиреченской области, П.П. Румянцев признает, что казахи вполне обладали определенными навыками поливного земледелия, позднее освоенное и пришлыми русскими земледельцами, которые «до сих пор не внесли в нее ничего своего, нового». А далее констатирует: «Точно также у туземцев заимствовали русские переселенцы травосеяние, именно посеvy многолетней туркестанской люцерны, местными жителями неправильно называемой клевером [14, с. 218-219].

О достаточном развитии земледельческого хозяйства семиреченских казахов, свидетельствует и казахстанский исследователь Н.К. Байгабатова. Ею отмечено, что несмотря на наличие богарного земледелия у казахов в начале XX в., доминирующая роль все же принадлежала орошаемому земледелию. В подтверждение своих слов, автор приводит следующие цифры: к 1911 г. в Верненском уезде из всего объема посевных площадей 97,7 % были поливными, в Копальском уезде 87,5 % сеющих казахских хозяйств имели орошаемые посеvy, 7,1 % на богаре, остальные 5,4 смешанные [20, с. 174]. При этом способы орошения были разнообразными, но все же предпочтение отдавалось регулярному поливу с помощью арычных систем.

Подводя итоги проведения земельной политики в Семиреченском крае во второй половине XIX в., следует подчеркнуть, что в основе колонизации Российской империи как в исследуемом регионе, так и по всей Казахской

степи лежали целенаправленные меры политического и социально-экономического характера, т.е. утверждение своего превосходства на всей территории Казахстана. К слову сказать, еще в середине XIX в., российская администрация пришла к выводу, что главным препятствием на пути укрепления имперской власти в Степи, является существование родовой корпоративности в казахском обществе. Тем не менее, несмотря на все последующие административно-территориальные меры, на широкие масштабы казачьей, а затем и крестьянской колонизации, в своей совокупности, значительно повлиявшие на традиционный уклад казахского социума, кочевые группы как и прежде продолжали представлять собой единый хозяйственный механизм. К примеру, о казахах Джаркентского уезда в исследованиях представленных экспедицией П.П. Румянцева говорилось, что «киргизы рода атбан и суан кочуют то в китайских пределах, то в пределах вновь образовавшегося таранчинского султанства, то в пределах русских и вплоть до 1882 г. живут в зависимости от хода политических событий, втягиваясь постоянно в раздоры китайцев, дунган, таранчей и русских, фактически не признавая ничьей власти, то и дело меняя мест своих кочевок и совершенно не имея пашен и сенокосов» [21, с. 151]. «Эти общие исторические события, – писал П.П. Румянцев, – оказали значительное влияние на характер землепользования джаркентских киргиз. Участие в борьбе соседних народов, естественно, заставляло атбан и суан держаться сплоченными родовыми группами, киргизам этих двух родов долгое время было совершенно чуждо понятие о земельной собственности вне рода. Только принадлежность к роду или отдельной родовой группе давало право на совместную кочевку и право на пользование землей».

Исходя из этого, П.П. Румянцев приходит к выводу, что албаны и суаны, «как истинные кочевники, видя в административных мероприятиях только стеснение их веками сложившегося родового быта, не желая подчиниться русской власти, и, приспособляясь к новым им формам управления» прибегали к испытанному уже не раз средству, т.е. к откочевке за пределы российской территории. Как писал исследователь Джаркентского уезда, албаны Старшего жуза, со временем, будучи вынужденными принять «требование русской власти относительно административного деления на волости и аульные общества по «Степному положению» (1886-1891 гг., – С.М.), в то же время сохранили свое родовое деление» [21, с. 152].

Основываясь на исследовании функционирования традиционных механизмов в пореформенной степи, в том числе и в Семиреченском регионе, Ж.М. Джампеисова приходит к заключению, что во второй половине XIX века «кочевые группы, испытывая тяжелый пресс колониальных нововведений, в особенности изъятие земель, обнаруживали в некоторой степени свойства адаптации к ним, и использовали колониальную систему как средство соперничества друг с другом...» [22, с. 233]. В то же время, как указывает Ж.М. Джампеисова, кочевая культура сумела воссоздать традиционные правовые ценности, способность к урегулированию

конфликтов, путем трансформации механизма присяги (*адата*) и с ее помощью решать все вопросы, в том числе касающиеся и землеустройства казахов.

В начале 80-х гг. XIX столетия в результате завершения российско-китайских разграничений, в Семиреченскую область хлынули десятки тысяч представителей мусульманских народов Илийского края, из опасения физического истребления вынужденные покинуть родные места, отошедшие по условиям С.-Петербургского договора 1881 г. Китаю. Согласно сведениям Н.Е. Бекмахановой в Семиреченскую область переселилось 4682 дунган и 45373 уйгур. Наряду с этим с китайской территории переселилось приблизительно 25 тыс. казахов [23, с. 107]. Все эти события, еще более усложнили проблемы землеустройства в Семиречье, одновременно обострив и без того напряженную этно-демографическую ситуацию в регионе.

Не сумев добиться полной трансформации традиционного уклада казахского кочевого общества, тем не менее, российские власти путем последовательного решения поземельного устройства, все же, существенно изменили социально-экономическую обстановку в Степи.

Остро вставший в конце 90-х гг. XIX в., переселенческий вопрос показал российским властям, как мало изучены казахские степи. В этой связи, в 1909 г. Переселенческое управление приступило к широкомасштабному обследованию казахских земель, в том числе Семиреченской области с «целью выяснения норм земельного обеспечения киргиз и земельных, за этим обеспечением, излишков, составляющих фонд для русской колонизации края» [24, с. 3]. И в соответствии с расширением переселенческой политики Российской империи, в начале XX столетия решение поземельного устройства в Семиреченском крае принимает новые обороты.

Литература

1 Путевые замечания лекаря Омского гарнизонного полка Ф.К. Зибберштейна // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям (XVIII-XIX века). Т. VI. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 222-253.

2 Қойгелдиев М. Жетісудағы Ресей билігі (XIX ғ.–1917 ж.). – Астана: Елорда, 2004. – 216 б.

3 Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. – Бишкек: Илим, 2003. – 460 с.

4 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 501.

5 Подробнее об этом см.: Оразов Р.Е. XIX ғасырдың 40-50 жылдарындағы Жетісудағы жер мәселесінің шиеленісуі // «Жетісу XIX ғасыр: атамекеннің тұтастығы мен елдің тәуелсіздігі үшін күрес». Қазақтың атақты батырлары Саурық батыр Ыстамбекұлының туғанына – 215 жыл және Сұраншы батыр Ақынбекұлының туғанына – 200 жыл толуына орай ұйымдастырылған республикалық ғылыми-теориялық конференция

материалдары (Алматы қ., 6 желтоқсан 2012 ж.). – Алматы, 2013. – 204-211 бб.

6 Далаева Т.Т. Земельная политика Российской империи в Южном Казахстане и Семиречье во второй половине XIX века // История Казахстана: современные исследования и актуальные проблемы преподавания. Материалы Республиканской научно-практической конференции «Касымбаевские чтения». – Алматы: «Улагат» КазНПУ им. Абая, 2012. – С. 198-202.

7 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58.

8 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 146.

9 Бекмаханов Е.Б. Собрание сочинений в семи томах. Т. 3. Присоединение Казахстана к России. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005. – 531 с.

10 ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4151. Л. 48.

11 Абдиров М.Ж., Ақтамбердиева З.С. Семиреченское казачье войско. Из истории военно-казачьей колонизации Жетысу 1867-1917 гг. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 362 с.

12 Бижигитова К.С. Землепользование и землеустройство на территории Семиреченского казачьего войска (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КазНУ. Серия историческая. - № 2 (49). – 2008. – С. 89-93.

13 Ақтамбердиева З.С. Особенности казачьего землепользования в Семиречье во второй половине XIX века // Вестник КазНУ. Серия историческая. – № 3 (34). – 2004. – С. 71-76.

14 Румянцев П.П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. – 1911. – № 9. – С. 191-224.

15 Переселенческое дело в Туркестане / Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором графом К.К. Паленом. – СПб., 1910. – 430 с.

16 Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). – Ташкент: ФАН, 1983. – 128 с.

17 Миграции в Центральную Азию // Центральная Азия в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.

18 Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII-XIX вв.) – М.: Реклама Мастер, 2005. – 246 с.

19 Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 332 с.

20 Байгабатова Н.К. К вопросу о состоянии земледельческого хозяйства казахов Жетысу в конце XIX – начале XX вв. // Вестник КазНУ. Серия историческая. – № 4 (31) – 2003. С. 173-176.

21 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Джаркентский уезд – Спб., 1913. – Т. III. – 382 с.

22 Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. – 267 с.

23 Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1986. – 244 с.

24 Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Лепсинский уезд – Спб., 1911. – Т. I. – Ч. 1. – 401 с.

References

1 Putevye zamechanija lekarja Omskogo garnizonnogo polka F.K. Zibbershtejna // Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI-XX vekov: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po juzhnym kazahskim stepjam (XVIII-XIX veka). T. VI. – Almaty: Dajk-Press, 2007. – S. 222-253.

2 Қожgeldiev M. Zhetisudaғы Resej biligi (XIX ғ.–1917 zh.). – Astana: Elorda, 2004. – 216 b.

3 Aristov N.A. Trudy po istorii i jetnicheskomu sostavu tjurkskih plemen / Otv. red. akad. V.M. Ploskih. – Bishkek: Ilim, 2003. – 460 s.

4 CGA RK. F. 3. Op. 1. D. 501.

5 Podrobnее ob jetom sm.: Orazov R.E. НИИ ғасырдың 40-50 zhyldaryндағы Zhetisudaғы zher мәселесінің shielenisui // «Zhetisu НИИ ғасыр: atamekenniң tıytastyғы мен elдің төuelsizdigi үshin kыres». Қазақтң атақты batyrlary Sauryk batyr Ystambekұлының tuғanyна – 215 zhyl zhәне Сыranshy batyr Акынбекұлының tuғanyна – 200 zhyl toluyna oraj ұjymdastyryлған respublikalyқ ғылыми-teorijalyқ konferencija materialdary (Almaty қ., 6 zheltoқсан 2012 zh.). – Almaty, 2013. – 204-211 bb.

6 Dalaeva T.T. Zemel'naja politika Rossijskoj imperii v Juzhnom Kazahstane i Semirech'e vo vtoroj polovine XIX veka // Istorija Kazahstana: sovremennye issledovaniya i aktual'nye problemy prepodavaniya. Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Kasymbaevskie chteniya». – Almaty: «Ulagat» KazNPU im. Abaja, 2012. – S. 198-202.

7 CGA RK. F. 3. Op. 1. D. 58.

8 CGA RK. F. 3. Op. 1. D. 146.

9 Bekmahanov E.B. Sobranie sochinenij v semi tomah. T. 3. Prisoedinenie Kazahstana k Rossii. – Pavlodar: TOO NPF «JeKO», 2005. – 531 s.

10 CGA RK. F. 64. Op. 1. D. 4151. L. 48.

11 Abdirov M.Zh., Aktamberdieva Z.S. Semirechenskoe kazach'e vojsko. Iz istorii voenno-kazach'ej kolonizacii Zhetysu 1867-1917 gg. – Almaty: Kazak univesiteti, 2011. – 362 s.

12 Bizhigitova K.S. Zemlepol'zovanie i zemleustrojstvo na territorii Semirechenskogo kazach'ego vojska (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.) // Vestnik KazNU. Serija istoricheskaja. - № 2 (49). – 2008. – S. 89-93.

13 Aktamberdieva Z.S. Osobennosti kazach'ego zemlepol'zovanija v Semirech'e vo vtoroj polovine XIX veka // Vestnik KazNU. Serija istoricheskaja. – № 3 (34). – 2004. – S. 71-76.

14 Rumjancev P.P. Uslovija kolonizacii Semirech'ja // Voprosy kolonizacii. – 1911. – № 9. – S. 191-224.

15 Pereselencheskoe delo v Turkestane / Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoj senatorom grafom K.K. Palenom. – SPb., 1910. – 430 s.

16 Fomchenko A.P. Russkie poselenija v Turkestanskom krae v konce XIX – nachale XX v. (social'no-jekonomicheskij aspekt). – Tashkent: FAN, 1983. – 128 s.

17 Migracii v Central'nuju Aziju // Central'naja Azija v sostave Rossijskoj imperii. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 464 s.

18 Syzdykova E.S. Rossijskie voennye i Kazahstan: (Voprosy social'no-politicheskoi i jekonomicheskoi istorii Kazahstana XVIII-XIX vv.) – M.: Reklama Master, 2005. – 246 s.

19 Maltusynov S.N. Agrarnyj vopros v Kazahstane i Gosudarstvennaja дума Rossii 1906-1917 gg. (Sociokul'turnyj podhod). – Almaty: Dajk-Press, 2006. – 332 s.

20 Bajgabatova N.K. K voprosu o sostojanii zemledel'cheskogo hozjajstva kazahov Zhetysu v konce XIX – nachale XX vv. // Vestnik KazNU. Serija istoricheskaja. – № 4 (31) – 2003. S. 173-176.

21 Materialy po obsledovaniju tuzemnogo i russkogo starozhil'cheskogo hozjajstva i zemlepol'zovanija v Semirechenskoj oblasti. Dzharkentskij uezd – Spb., 1913. – T. III. – 382 s.

22 Dzhampeisova Zh.M. Kazahskoe obshhestvo i pravo v poreformennoj stepi. – Astana: ENU im. L.N. Gumileva, 2006. – 267 s.

23 Bekmahanova N.E. Mnogonacional'noe naselenie Kazahstana i Kirgizii v jepohu kapitalizma (60-e gody XIX v. – 1917 g.). – M.: Nauka, 1986. – 244 s.

24 Materialy po obsledovaniju tuzemnogo i russkogo starozhil'cheskogo hozjajstva i zemlepol'zovanija v Semirechenskoj oblasti. Lepsinskij uezd – Spb., 1911. – T. I. – Ch. 1. – 401 s.

М.Р. Сатенова

(БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері)

Ресей әкімшілігінің Жетісу өлкесіндегі

жер саясатының негізгі қырлары

(XIX ғ. екінші жартысы)

Түйін

Мақалада XIX ғ. екінші жартысындағы ресейлік биліктің Жетісу өлкесіне жүргізген жер саясаты мәселесінің негізгі қырлары қарастырылады.

Көшпелі қазақтардың жер шаруашылығы дамуының ерекшеліктері, егіншілік, әкімшілік-территориялық іс-шаралардың көшпелілердің дәстүрлі мәдениетіне ықпалы баяндалады. Өлкедегі жер шаруашылығы құрылымының негізгі кезеңдері, жетісулық қазақтардың жер игеру ерекшеліктері, Жетісу жеріне патшалық отарлау саясатының жүргізілуі мәселелері көрініс табады.

Түйін сөздер: Жетісу, жер, жер игеру, егіншілік, казактар, шаруа-коныс аударушылар, ресейлік әкімшілік жүйе, отарлау.

M.R. Satenova

(Research Fellow of the Institute of History and Ethnology
named after Ch.Ch. Valikhanov)

Key Aspects of the Russian Administration's

Land Policy in Semirech'ye

(2-nd half of the XIX century)

Summary

In this paper the author considers key moments of the Russian authorities' land policy in Semirech'ye province in the 2-nd half of the XIX century. Some peculiarities of nomadic Kazakh land use in the studied period, presence of arable farming, impact of the introduced administrative-territorial measures on traditional nomadic culture were researched in this article. In addition, the author showed main stages of land use organization in the region, peculiarities of land use at Semirech'ye's Cossacks, realization of peasants' colonization in Semirech'ye.

Keywords: Semirech'ye, land, land use, arable farming, Cossacks, immigrant peasants, Russian administration, colonization.